

Чарская Лидия Алексеевна

**Цель достигнута. Три года
жизни Лиды Воронской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Цель достигнута. Три года жизни Лиды Воронской / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 329 с.

ISBN 978-5-521-29824-2

ISBN 978-5-521-29824-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ДЛИННЫЙ, длинный коридоръ. По обѣимъ сторонамъ высокія, большія двери. Надъ ними надписи: «библіотека», «музыкальный классъ», дальше «репетиціонная» и т. п. А въ самомъ концѣ, надъ дальней дверью, небольшой образъ, свидѣтельствующій о томъ, что это церковь.

Осеннее солнце бѣлыми зайчиками играетъ по ровнымъ квадратикамъ паркета, ярко освѣщая коридоръ.

Я останавливаюсь у третьей двери направо, съ небольшою вывѣскою: «канцелярія».

Тамъ, за этой наглухо закрытой дверью, моя судьба.

Сердце мое бьется сильно-сильно, когда я похолодѣвшею рукою дотрагиваюсь до мѣдной ручки. И, когда

дверь быстро распахивается передо мною, я сразу точно проваливаюсь куда-то, въ какую-то kloкочущую бездну.

«Ну, Лида Воронская-Чермилова, крѣпись! Ты сама вѣдь жаждала этого,—повторяю я мысленно.—Никто не толкалъ тебя въ это огромное, внушительнаго вида зданіе, съ широкою лѣстницею, длиннымъ коридоромъ и таинственно заманчивыми залами. Собери же все твое мужество, вспомни, ради кого ты пришла сюда завозывать трудно-достижимое, и крѣпись».

Но, какъ ни стараюсь я подбодрить себя, мои колѣни подгибаются, а руки дрожатъ, когда я переступаю «роковой» порогъ.

Первое, что бросается мнѣ въ глаза, это большой письменный столъ, передъ нимъ—широкое кресло. Въ креслѣ—господинъ въ синемъ вицъ-мундирѣ, свѣтлый блондинъ, плотный, со свѣжимъ, еще далеко не старымъ лицомъ, съ тонко закрученными длинными усами и быстрымъ живымъ взглядомъ карихъ глазъ. «Совсѣмъ какъ институтскій преподаватель», мелькаетъ въ моемъ умѣ.

И совершенно упустивъ изъ вида, что мнѣ двадцатый годъ, я отвѣшиваю незнакомому господину самый «непозволительно-низкій» реверансъ, точно я какая-нибудь пятиклассница-институтка.

Затѣмъ багрово краснѣю, сразу понявъ свою ошибку, нелѣпо складываю руки «коробочкой», какъ это дѣ-

лаютъ институтки, когда имъ приходится выслушивать выговоръ начальницы и инспектриссы, и молчу, вытираивъ глаза на господина въ синемъ вицъ-мундирѣ. А въ головѣ невидимые молоточки стучать: «Кончено! Осрамилась! Совсѣмъ осрамилась на вѣки вѣковъ и безповоротно. О, глупая, трижды глупая Лида!»

Вѣроятно, я представляю собою довольно комическую фигуру, потому что легкая улыбка морщить румяныя губы господина въ вицъ-мундирѣ. Онъ встаетъ со своего мѣста и съ ободряющимъ выраженіемъ на лицѣ говоритъ:

— Вы, вѣроятно, желаете быть допущены къ конкурсному экзамену и подавали прошеніе? Ваши бумаги здѣсь?

— Да,—вырывается у меня такъ, точно отъ моего отвѣта зависить мое дальнѣйшее «жить или умереть»,— я послала сюда прошеніе и бумаги.

— Ваша фамилія?—обращается онъ ко мнѣ съ вопросомъ, роясь въ то же время въ цѣлой кипѣ бумагъ, лежавшихъ грудой передъ нимъ на письменномъ столѣ.

— Лида Воронская,—выпаливаю я какъ-то ужъ слишкомъ быстро и... мгновенно цѣпенѣю отъ ужаса.

Какая же я Лида, да еще Воронская, когда мое настоящее имя Лидія и уже второй годъ я больше не Воронская, а Чермилова!

Волнуясь, я хочу поправить свою ошибку и, пылая отъ смущенія, начинаю лепетать что-то по адресу

склоненной надъ бумагами бѣлокурой головы. Дѣлаю какіе-то несуразныя жесты, ломаю свои тонкія пальцы, но сказать толкомъ ничего не могу.

Слава Богу! Господинъ въ синемъ вицъ-мундирѣ ничего не замѣчаетъ. Онъ весь ушелъ въ свою работу: ищетъ съ завиднымъ терпѣніемъ мое прошеніе среди вороха бумагъ и не находитъ.

— Странно! Гм! Очень странно!—говоритъ онъ послѣ самыхъ энергичныхъ поисковъ.—Прошенія Лидіи Воронской здѣсь нѣтъ.

— Ну, конечно!—отвѣчаю я, мгновенно приходя въ себя.—У васъ и не можетъ быть прошенія Лидіи Воронской.

— То-есть, что вы хотите этимъ сказать?

Проницательные глаза при этихъ словахъ смотрять строго, почти сердито въ мое лицо.

— Ахъ, извините,—снова приходя въ смущеніе, роняю я голосомъ, мрачнымъ и безнадежнымъ,—я... я... ошиблась... я... не Лида Воронская, а Лидія Чермилова... Воронская это моя дѣвичья фамилія. А я замужемъ.

— Замужемъ?—спрашиваетъ удивленно «вицъ-мундиръ».—Такая молоденькая и уже замужемъ!

И онъ смотритъ на меня удивленными глазами. Въ лицѣ его я вижу не то недовѣріе, не то сомнѣніе, правду ли я говорю.

Тогда я быстро-быстро начинаю объяснять ему, что

Прошенія Лиді Воронскої збісь нѣтъ...

мнѣ скоро двадцать лѣтъ, что замужемъ я уже почти два года, что я мать шестимѣсячнаго мальчика и что рѣшила работать для моего ребенка; хочу, во-первыхъ сама, моимъ трудомъ, поднять его на ноги, а во-вторыхъ, хочу добиться славы, чтобы мой ребенокъ могъ въ послѣдствіи гордиться своею матерью, и вотъ, по этимъ двумъ причинамъ, прошу зачислить меня въ конкурентки, имѣющія доступъ къ экзамену на драматическіе курсы.

Слова какъ пули вылетаютъ изъ моего рта. Я говорю, не останавливаясь ни на минуту. Видя, что господинъ въ вицъ-мундирѣ слушаетъ меня внимательно и не прерываетъ, я уже не могу удержаться и... начинаю, неизвѣстно зачѣмъ и для чего, описывать наружность «моего маленькаго принца», какъ я называю моего ребенка, рассказываю про его дѣтскій лепетъ, про его привычки, словомъ, все то, что меня такъ забавляетъ и радуетъ въ немъ.

Затѣмъ я объясняю моему слушателю, что мой мужъ офицеръ-стрѣлокъ, что онъ уѣхалъ въ глухую отдаленную мѣстность Сибири и раньше трехъ лѣтъ не вернется оттуда, что мужа моего я называю «рыцаремъ Трумвилемъ», а онъ меня «Брандегильдой», что прежде жили мы въ Царскомъ Селѣ, въ офицерскомъ флигелѣ стрѣлковаго баталіона, но что я свою квартиру называла «замкомъ», что, кромѣ мужа, у меня отецъ и мачеха, которыхъ я называю «Солнышко», и «мама-Нелли», что

именно у нихъ я жила послѣ отъѣзда мужа и т. д. и т. д. *).

— Позвольте, позвольте!—смѣясь, прерываетъ меня «вицъ-мундиръ».—Не знаю, какое все это имѣетъ отношеніе къ вашему прошенію относительно допущенія васъ къ экзаменамъ?

— О, близкое, очень близкое!—возражаю я,—потому что я рѣшила оставить «Солнышко» и маму-Нэлли исключительно для того, чтобы поступить къ вамъ на курсы. А поступить я желаю во-первыхъ, потому что я уже вамъ объяснила причину...

— Все это прекрасно,—осторожно прерываетъ онъ меня.—Я вижу, что у васъ много темперамента, горячности и искренности. Для того дѣла, которому вы желаете посвятить себѣ, все это, конечно, очень желательно, но самое важное безграничная любовь къ нему. Она, эта любовь, пожалуй, даже важнѣе таланта, способностей, и безъ нея не добиться намѣченной цѣли...

Тутъ мой собесѣдникъ заговорилъ о театрѣ, о сценѣ, о драматическомъ искусствѣ, о томъ, сколько усилій и работы требуется для того, чтобы стать артисткою.

— Вы сказали, что хотите работать ради вашего ребенка. Это, конечно похвально. Но, мнѣ кажется, для этого вы выбрали не совсѣмъ подходящій путь... Чтобы посвятить себя сценѣ, искусству, нужно пре-

*) См. повѣсть «На всю жизнь».

жде всего любовь къ нему... Скажите, задавали ли себѣ вопросъ, достаточно ли у васъ любви къ искусству, чтобы переодолѣть всѣ тѣ трудности, которыя васъ ожидаютъ въ будущемъ на поприщѣ артистки?..

Минуту глаза господина въ вицъ-мундирѣ смотрятъ въ мои вопрошающимъ строгимъ взглядомъ, какъ будто желая угадать все, что происходитъ въ моей душѣ.

— Люблю ли я искусство?—говорю я, точно разбуженная его словами,—да я его не только люблю, я его обожаю... Я убѣждена, что это самое лучшее, что есть на землѣ... Вѣдь искусство—это правда и красота...—горячо продолжаю я.—Да, я, хочу стать артисткой, чтобы работать для моего ребенка, но вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу стать артисткой потому, что я уже давно чувствую влеченіе къ сценѣ, къ театру, влеченіе и призваніе.

— Вы никогда не выступали на сценѣ?—прервалъ онъ меня.

— Ахъ, нѣтъ, если не считать двухъ любительскихъ спектаклей... Но съ дѣтства я упиваюсь отрывками трагедій, стихами... Съ дѣтства чувствую призваніе къ сценическому искусству, хотя имѣю о немъ пока лишь смутное понятіе... И я... я живу мечтою о чемъ-то большемъ и красивомъ, что должно поднять меня, на своихъ крыльяхъ и унести отъ земли...

— Все это прекрасно,—замѣчаетъ господинъ въ вицъ-мундирѣ и смотритъ на мою хрупкую, тоненькую, какъ у подростка-мальчугана, фигуру;—но вынесете ли

вы, подъ силу ли вамъ будетъ, тотъ трудъ, подъ которымъ сгибались гораздо болѣе крѣпкія спины? Путь, избранный вами, труденъ и тернистъ, а вы, въ сущности, еще дитя и хрупкое дитя при этомъ...

— Любовь къ моему ребенку и его ласки меня поддерживаютъ,—говорю я пылко и убѣжденно, тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Но ваше здоровье? У васъ такой слабый голосъ, и сама вы такая худенькая, слабенькая...

— Ради Бога,—лепечу я въ волненіи, все сильнѣе и сильнѣе захватывающемъ меня,—не обращайтесь вниманія на это. Увидите, я все пересилю, я буду стараться, буду работать... примите только меня на ваши курсы, умоляю васъ!

И я съ мольбою складываю руки на груди.

Онъ хмуритъ густыя брови, и лицо его дѣлается совсѣмъ строгимъ.

— Это не отъ меня зависитъ, а отъ результата испытанія которому вы должны подвергнуться,—говоритъ онъ официальнымъ голосомъ и тономъ.—Вы говорите, ваша фамилія Чермилова? Лидія Чермилова? Да, ваши документы здѣсь у меня,—и, перелистывая ихъ, вскользь замѣчаетъ:—все въ порядкѣ. Вы кончили институтъ, аттестатъ здѣсь, и потому нѣтъ никакихъ препятствій къ допущенію васъ къ испытанію. Последнее же рѣшающее слово принадлежитъ уже конференціи.

— Ой!